

Аркадий Арк

**Проблемы
преподавания
философии в России**

16+

Аркадий Арк

**Проблемы преподавания
философии в России**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Арк А.

Проблемы преподавания философии в России / А. Арк —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Проблемы преподавания философии в России затрагивают сегодня практически весь спектр вопросов, касающихся философии как таковой. Как преподавать? Что преподавать? Кому преподавать? И даже – зачем преподавать? Можно сказать, что русская философия сегодня по новой осмысливает сама себя. Некоторые из этих вопросов рассматриваются в данной книге философа-филоиста Аркадия Арка. Обложка авторская, в дизайне использован фрагмент картины "Девятый вал" И. Айвазовского.

Аркадий Арк

Проблемы преподавания философии в России

Постановка вопросов

О том, что философия в России нуждается в реставрации, не говорят сегодня только ленивые философы и преподаватели философии. После крушения СССР и распространения религии в Новой России значительные изменения произошли и в системе образования. Старая идеология равенства, братства и власти справедливости рухнула, а новая идеология власти денег для многих оказалась столь пугающей, что о ней решили не говорить. Но так как народ не может быть сплочённым без объединяющей его идеологии, решено было пойти самым лёгким путём и заменить идеологию религией. Естественно, что это не могло не сказаться и на образовании в целом, в том числе и на русской философии.

Философия оказалась среди тех дисциплин, которые были подвергнуты наибольшей коррекции. Растерявшись, многие русские философы (под словом «философ» я здесь имею в виду не только непосредственно философов, но и преподавателей философии) перестали даже понимать, чем, собственно, они занимаются, что такое философия вообще. То есть, является ли философия наукой как таковой, или это нечто вроде своеобразной специфической формы духовной культуры, или это особое «элитарное» мировоззрение? Понятно, что и подход к преподаванию философии потерял свой стандарт, разделился на множество чуть ли не противоположных мнений. Одни видят спасение русской философии в наследии методов и взглядов Мамардашвили, другие – в возвращении к гегелевской систематике, третьи – в отделении философии от всех научных стандартов, и так далее, и тому подобное, и каждый на свой лад. Именно поэтому сегодня многие преподаватели философии задумываются над вопросами: «что преподавать?», «как преподавать?», и даже «зачем преподавать?». То есть, русская философия дошла до того уровня, что сами преподаватели не могут твёрдо ответить студентам на вопрос о том, зачем, собственно, нужна философия.

Проблема оказывается намного сложнее, когда понимаешь, что многие современные философы до сих пор не могут определить своего предмета, всё ещё считая открытым вопрос о том, что же такое философия. Поэтому становится понятно, что если точно не определён сам предмет, то невозможно определить: что именно, каким образом и для чего преподаваться студентам.

Итак, давайте попробуем определить те вопросы, которые сегодня стоят перед преподавателями философии в России. Вопросы эти выявлены при изучении многих выступлений в СМИ (в том числе и электронных) преподавателей философии разных степеней и званий (кандидатов и докторов, доцентов и профессоров).

Первый и najważнейший вопрос заключается в определении самого предмета, то есть в определении того, что такое философия в целом, и что такое научная философия в частности. Является ли философия наукой, может ли ей являться. Какое у неё определение, в чём её суть, какие особенности, какие задачи, чем она должна заниматься.

Отсутствие определённости и направленности самого предмета приводит к его размытости и аморфности. А это в свою очередь ведёт к тому, что сегодня не только студенты, но и многие преподаватели философии признаются, что в вузах в основном преподаётся только история философии, а не философия как таковая. Например, вот что пишет доцент кафедры философии одного из московских университетов: «... в вузовских курсах философии до сих пор остаётся деление учебного материала на историю философии и общетеоретическую философию. Что же представляет собой последняя в настоящее время? Как то ни печально, но по преимуществу, – схоластику и демагогию. Марксизм-ленинизм как «верное» философское учение давно ушёл в прошлое, а общетеоретический раздел в учебном курсе философии остался. Чем

же его ныне можно наполнить? Видимо в большинстве случаев считается, что – ничем, кроме схоластики». Но так как сам предмет не определён, то проблемы возникают и в преподавании его истории.

Поэтому возникает второй важный вопрос: как преподавать историю философии? В каком объёме? На что акцентировать внимание? Стоит ли преподавать все философские школы и течения, или только те, которые оправдали себя как наиболее истинные? Эти и другие вопросы по истории философии неизбежно поднимаются сегодня. Но как на них ответить, не определив самого предмета? В качестве выхода из ситуации (хотя и сомнительного), некоторыми педагогами предлагается сократить часы преподавания истории философии в пользу большего раскрытия студентам самого понятия философии как таковой. Однако в этом случае всё равно остаются все те вопросы, которые поставлены выше. К тому же, пока твёрдо не определено, что же такое философия, остаётся только её история.

Некоторые современные русские философы (например, Д. Гусев, но и не только он), обращают внимание и на путаницу между философами как таковыми и преподавателями философии. Предлагается даже называть последних «философоведами», так как квалификация «философ» в дипломе не отражает истинной профессиональной сути обладателя диплома, который в принципе является историком философии, её преподавателем, а не философом как таковым. Ведь на самом деле, философ может и не быть преподавателем философии или историком философии, а преподаватель философии, в свою очередь, может не быть философом. Но ради шутки можно порассуждать и так: если писать в дипломе «преподаватель философии», или «философовед», тогда где взять дипломированных философов? Все будут только преподаватели философии и философovedы. Конечно, это вопрос частный, и непосредственно к философии мало имеет отношения. Разве что к «дипломизации» специалистов.

Следующий вопрос: соотношение учебных часов, то есть, сколько давать учебных часов на изучение философии. Также некоторые поднимают вопрос о том, стоит ли преподавать философию в общеобразовательных школах, как это делается в некоторых странах (Франция, Италия, Австрии, Ирландия и др.). Естественно, курс этот должен быть адаптирован для более младшего возраста слушателей, для школьников. В России сегодня религию и законы божии преподносят детям со школы, а вот для философии в школах места не находят, видимо считая, что учить мыслить детей не нужно, достаточно приучить их верить в религиозные мифы.

Отсюда следует и другой вопрос, который затрагивает не только школы, но и вузы: зачем преподавать философию? Зачем она вообще нужна? Не привыкшие мыслить со школы, естественным образом не хотят мыслить и после школы. Поэтому очень многие студенты задают этот вопрос вполне серьёзно. Так серьёзно, что над ним стали задумываться и преподаватели. Ведь им нужно как-то объяснять студентам, зачем нужна философия в вузах, если она не нужна в школе.

Уже упомянутый мной преподаватель философии, доцент, так рассуждает над этим вопросом: «Обычно я говорю студентам примерно так: “Этот предмет на первый взгляд может показаться бесполезным и ненужным. И действительно, после нашей лекции или семинара вы вряд ли сможете пойти куда-либо и немедленно применить полученные знания на практике, извлечь из них непосредственную пользу. Но ведь это относится вообще к любому предмету, а тогда получается, что учиться вообще бесполезно. На самом же деле отсутствие сиюминутной пользы совсем не свидетельствует о бесполезности того или иного предмета”».

Согласитесь, слабый стимул для студента: невозможность немедленного применения знаний и «отсутствие сиюминутной пользы». А то, что это относится «вообще к любому предмету», и вовсе является ложным утверждением. Ясно, что данный преподаватель сам слабо понимает возможности философии. Понятно, что с таким подходом к философии сложно преподавать её в школах. Но вот что странно. К религии приучают с младенчества, а философию

считают лишним предметом, баловством, и, якобы даже для студентов польза от неё лишь в далёком будущем... возможно... если повезёт...

А ведь по сути дети, едва научившись говорить, уже способны задавать вполне серьёзные философские вопросы, и размышлять над ними. И если преподаватель философии не может объяснить студентам необходимость своего предмета, то причина в этом лишь одна: он сам не понимает того, чему учит. Если преподаватель осознаёт, что такое философия, чем она является на самом деле, то он легко объяснит это даже ребёнку. Объяснит и её пользу, именносиюминутную пользу, а не в далёкой возможной перспективе. Поэтому здесь можно с уверенностью сказать, что проблема эта возникает только по одной причине: по причине непонимания самими преподавателями своего предмета.

Лично меня сильно удивляет тот факт, что современные русские философы (в том числе и преподаватели философии, «философоведы») не предпринимают никаких активнейших действий для того, чтобы добиться преподавания философии в общеобразовательных школах. Хотя бы в старших классах.

Итак, мы лишь поверхностно рассмотрели наиболее важные проблемные вопросы преподавания философии в современной России. Здесь я не затрагиваю такие специфические вопросы, как язык философии и тому подобные, которые вряд ли значительно могут повлиять на процесс преподавания философии. Хотя, что касается языка, то, конечно, говорить ясно и просто всегда полезнее, чем заумно и непонятно, чем часто грешат философы.

Ниже представлены несколько статей, в определённой степени затрагивающие проблемы преподавания философии. Эти статьи дадут понять самое главное: как современные русские философы (преподаватели) сами понимают свой предмет, как они ратуют за его реформирование, и как они хотят преподавать его студентам.

Будущим авторам учебников по философии

(Анализ статьи С. Н. Труфанова «Прологомены ко всякому будущему учебнику философии»)

Кандидат философских наук по истории философии, доцент Самарского государственного института культуры Сергей Николаевич Труфанов в своей статье «Прологомены ко всякому будущему учебнику философии» поднимает довольно актуальную проблему современной философии. Опубликована статья была в журнале «Ярославский педагогический вестник» (№ 3) ещё в 2007 году, но и сегодня она не потеряла своей актуальности. Вопрос, поднятый автором статьи, задолго до её появления неоднократно обсуждался в русских философских кругах, и продолжает обсуждаться с каждым годом всё активнее. Вопрос этот касается кризиса современной философии и проблемы учебной литературы по философии.

Меня заинтересовало то, как Труфанов смотрит на эти проблемы и что предлагает по их решению. Статья Труфанов весьма неоднозначна и спорна, хотя она периодически цитируется на интернет-ресурсах, и некоторые её выкладки воспринимаются многими как должное. Именно неоднозначный характер статьи и заставил меня сделать её анализ.

Начиная свою статью, Труфанов сразу ставит, что называется, вопрос ребром:

«Вузовской философии сегодня крайне необходим новый, отвечающий велениям времени учебник. Это вопрос её выживания. Появится такой учебник, будет и будущее у вузовской философии. Не появится – её ждут тяжёлые времена. В лучшем случае ей придется смириться с положением второстепенной факультативной науки, в худшем – её попросту исключат из учебных программ».

Я полностью согласен с Труфановым в том, что «новый, отвечающий велениям времени» учебник давно необходим «вузовской философии», как её называет автор. И хотя я далёк от

мысли, что философию исключают из учебных программ, но я куда более пессимистично отношусь к тому, что в противном случае русскую философию «ждут тяжёлые времена», по-моему, эти тяжёлые времена в русской философии уже давно наступили, о чём как раз и говорят многие работы современных философов, а также многие (почти все) учебники и учебные пособия по философии. Об этом же говорит и созревшая необходимость в новых учебниках, о которой пишет Труфанов не только в данной статье.

Почему же возникла эта проблема? Вот как это понимает сам автор анализируемой мной статьи:

«Пожалуй, только в самом начале своего пути, в период Античности, философия была предоставлена самой себе и развивалась в условиях неограниченной младенческой свободы. Однако уже в середине первого тысячелетия н.э. ей пришлось проститься с прежней вольностью и перейти на положение ученицы и, одновременно, прислужницы богословия. (...) В этом качестве она пребывала на протяжении всего Средневековья.

В период Нового времени философия потихоньку стала отходить от библейской картины мироздания. (...) И только наступивший век Просвещения позволил философии перейти с религиозного языка на светский. Начиная со второй половины XVIII столетия философы получили возможность не только строить свои рассуждения вне зависимости от библейской картины мира, но и выражать их соответствующим научным языком».

Тут с автором трудно не согласиться. Несмотря на то, что история философии насчитывает не одно тысячелетие, всё-таки «свободная философия» не может похвастаться такой долгой историей. Фактически свободная философия может насчитать лет двести, а то и меньше. И хотя это не такой уж малый возраст для развития науки, тем не менее сами философы (не все, но большинство) упорно не хотят признавать философию наукой и всячески стараются утянуть её в антинаучность.

В своей книге «Научная философия как она есть (Философия для молодых)» я рассматриваю влияние религии на философию как один из четырёх важнейших факторов дискредитации научной философии. И, к сожалению, в последнее время русская философия вновь и в полной мере ощутила на себе это негативное влияние. В доказательство негативного влияния церкви на философию Труфанов приводит такой пример из истории:

«Достаточно привести красноречивый факт из биографии их младшего современника Л. Фейербаха, который в 1830 г. анонимно опубликовал сочинение "Мысли о смерти и бессмертии", где позволил себе излишнюю ясность изложения. Так вот, расплатился он за это тем, что был лишён права преподавания, а тираж его книги был уничтожен».

Далее автор вполне справедливо говорит о втором дискредитирующем факторе философии – политическом. О том, что философия так или иначе вынуждена служить политическому режиму и его идеологии:

«Только революции середины XIX века позволили философии существенным образом раскрепостить свой язык. Но они же принесли ей новую беду – заставили служить революционным идеологиям. (...) философия вновь вынуждена была забыть о своих интересах и обслуживать чужие. Причём таких идеологий появлялось много».

Однако далее Труфанов приходит к весьма наивным умозаключениям, полагая, что причины, дискредитирующие философию, имеют временный, а не постоянный характер. Так, он пишет:

«Своего пика мировой революционный процесс достиг в 60-70-х годах XX столетия. Лишь тогда была преодолена критическая точка преобразований на планете – большинство народов создали основы демократического правового строя. Начавшаяся в 70-х годах минувшего века сначала в Китае, а затем в СССР и в других социалистических странах "перестройка", плавно перешедшая в комплексные демократические преобразования, привела к завершению эпохи холодной войны и мирового идеологического противостояния. (...) К началу XXI века ушли в прошлое и терзавшие философию на протяжении последних столетий революционные идеологии».

Во-первых, наивно полагать, что «критическая точка преобразований на планете» уже «преодолена». За последнее десятилетие, а именно столько времени прошло с тех пор, как статья была опубликована, у нас было достаточно доказательств обратного. И ещё не известно, что нас ждёт завтра. А история показывает, что всё повторяется.

Во-вторых, странно читать о «демократическом правовом строе». Есть формы политического правления, к которым относится демократия, монархия, республика и т.д. А есть общественно-политический строй, к которому относятся: рабовладельческий строй, феодальный строй, капиталистический, социалистический и пр. И все они «правовые». Однако, мы помним о демократическом правлении в рабовладельческой Древней Греции. Поэтому говорить о демократической системе правления как о заслуге человечества несколько наивно, если не забывать о рабах Древней Греции или нищих и безработных в современных демократических государствах. Просто с развитием общества естественным образом отмирают такие формы правления, как монархия. Но не надо забывать, что общество из развитого может в одночасье превратиться в неразвитое, если должным образом не бережёт и не защищает свои достижения.

В-третьих, говорить о «завершении эпохи холодной войны и мирового идеологического противостояния» тоже несколько наивно, особенно если иметь ввиду распад СССР, после которого каждое отделившееся государство было вынуждено из мирного сосуществования вступить в систему «идеологического противостояния», а то и открытой войны. Отрезвев от «преобразований» народы поняли, что эпоха холодной войны не завершилась, а только сделала очередной шаг. А «горячих конфликтов» стало не меньше, а в разы больше.

В-четвёртых, столь же наивно полагать, что «к началу XXI века ушли в прошлое и терзавшие философию на протяжении последних столетий революционные идеологии». Они ещё напоминают о себе. А вот что касается русской философии, то она к началу XXI века сделала огромный шаг не вперёд, а назад, вновь сдав свои позиции теософии, и снова превратившись в служанку теологии. С 90-х годов прошлого века большинство учебников по философии всё чаще стали напоминать учебники теософии. И пока сами философы сомневаются, является ли философия наукой, теология на государственном уровне была признана научной дисциплиной. Конечно, о революционных идеях в философии тут и заикаться было бы странно.

Исходя из этого становится также понятна наивность следующего заявления Труфанова:

«Впервые за полтора тысячелетия философия осталась наедине с собою и вздохнула свободно. Она наконец-то перестала быть чьей-то прислугой и обрела возможность заняться наведением порядка в своём собственном хозяйстве».

Увы, это весьма и весьма поверхностный взгляд на состояние русской философии человека, считающего, что причины, дискредитирующие философию, имеют временный, а не постоянный характер. Это притом, что он назвал пока только две из четырёх существующих дискредитирующих причин. Возможно, Труфанов считает, что исчезновение партийной цензуры, которая присутствовала в СССР, сделало русскую философию свободной. Увы, это не

так. Исчезновение партийной цензуры сделало философию свободной только от партийной цензуры. Но в природе не бывает пустых мест, они тут же заполняются другим содержанием. Из социалистической и атеистической страна практически в одночасье стала капиталистической и религиозной. Одна идеология была заменена другой. Всего лишь. Очень наивно полагать, что философии это никак не коснулось. Называть это свободой философии я бы повременил. Хотя, конечно, издавать сегодня можно что угодно, особенно за свой счёт. Капитализм всё-таки. Конечно, трудно поспорить с тем, что определённых свобод стало гораздо больше: публикуй, что хочешь. Но уголовная ответственность за оскорбление чувств верующих на всякий случай у нас вступила в силу. А, кроме того, само по себе слово сильно теряет свой вес там, где трибунов просто перестают слушать, так как каждый имеет свою трибуну, с которой вещает, не слушая остальных. Это заслуга интернета. Примерно в такой ситуации находится сегодня современная русская философия. Свобода это или анархия? Сказать не берусь, ведь кто-то видит и в анархии свободу, а кто-то даже назовёт её матерью порядка. Хотя я, в принципе за свободу слова.

Возможно поэтому Труфанов (и не только он) заговорили вдруг о «наведении порядка» в философии, которая, по словам автора, обрела свободу. А может, пусть в ней царит анархия, если это и есть свобода? Но нет, Труфанов заявляет:

«Теперь ей предстоит в кратчайшие сроки, по сути, заново воссоздать себя в качестве самостоятельной и востребованной обществом науки. Для этого ей требуется объяснить всем: зачем она нужна, чем она отличается от других наук, что нового и необходимого она может дать людям? И главное, что она должна сделать, – раскрыть себя как сформировавшуюся систематическую науку во всём богатстве своего содержания.

Всё это и призван отразить новый учебник, с которым философии предстоит войти в образовательный процесс третьего тысячелетия».

Отмечу, что многие вопросы Труфанов ставит тут вполне правильно. Однако беда в том, что каждый философ отвечает на эти вопросы по-своему, как те люди, которые имеют каждый по трибуне и не слушают соседа. Как же философы собираются договариваться между собой? Вот какой вопрос меня интересует больше всего. По каким критериям? Кого будут слушать, а кого игнорировать?

К тому же, чтобы стать «самостоятельной и востребованной обществом наукой», как того хочет Труфанов, философия должна хотя бы стать наукой и чётко определиться с тем, что она, собственно, собой представляет. Ведь даже этот важнейший вопрос философы до сих пор не могут решить, и многие относят его к «вечным философским вопросам», о чём пишут в учебниках по философии. Как дать определение самой научной философии, если ещё никто из философов чётко и однозначно не ответил на четыре основных определяющих вопроса философии о её сути, смысле, задаче и цели:

- какова основная суть философии?
- каков основной смысл философии?
- какова основная задача философии?
- какова основная цель философии?

Конечно, философы пытались ответить на эти вопросы, и каждый отвечал по-своему. Одни путали и смешивали эти по сути разные и чёткие понятия, другие давали на них частные, а не общие ответы, выдавая второстепенное за основное. Однако за тысячелетия к общему мнению философы так и не пришли до сих пор. Как же прикажете делать из философии науку, если философы не могут дать определённый и однозначный ответ хотя бы на один из этих четырёх вопросов? Ведь тогда ваша наука не будет иметь либо цели, либо задачи, либо смысла, либо сути. И что можно сказать о философии, если хоть один из этих вопросов остаётся не

решённым? А ведь они всё ещё не решены! Во всяком случае, ни в одном учебнике по философии, ни в одной философской работе я не встречал чётких ответов на эти вопросы, тех ответов, которые приняли бы все остальные.

В своей книге «Научная философия как она есть (Философия для молодых)», о которой я уже упоминал, на все эти вопросы я предлагаю свои ответы, позволившие мне дать вполне ясное определение именно научной философии. Но примет ли это «учёный свет философии»? В этом у меня пока большие сомнения.

Труфанов, как видим из его статьи, тоже пытается дать свой ответ хотя бы на один из этих вопросов, – о цели философии. Так, он пишет:

«Цель философии, или зачем она нужна? Все добываемые человечеством знания о природе и о самом себе изначально пребывают в форме простого скопления множества рядоположенных фактов и сведений. Но поскольку сам мир представляет собой нечто целое, то, следовательно, все разрозненные знания о нём должны быть сведены в одну общую картину, показывающую его как единое целое. Спонтанно, сама собой, такая целостная картина мира в сознании людей не возникает. Для её создания требуется целенаправленная деятельность нашего интеллекта, задача которого заключается не только в производстве отдельных знаний, но и в приведении их к такому всеобщему единству. Вот эту работу по созданию единой картины мира, показывающей его как целое, призвана выполнять философия. С этой целью она родилась на свет ещё задолго до появления всех других наук, и никто эту цель не отменял».

То есть, если выразиться короче и точнее, то цель философии – создание объективной картины мира. Именно объективной, а не какой-нибудь другой. Если бы Труфанов так и написал, что я полностью согласился бы с ним, но он пишет об «единой картине мира, показывающей его как целое». А это не совсем то, что определяет цель философии.

Давайте разберём, в чём тут разница. Во-первых, понятно, что, когда говорится о «картине мира», то уже само собой подразумевается, что она должна быть цельная, так как речь идёт о целом мире, а не о его части. А во-вторых, нужно понимать, что картина эта может быть, как объективной, так и не объективной. И именно этот вопрос наиболее важен при разговоре о философии. Ведь созданием «целостной картины мира» в некотором смысле занимается не только философия, но и религия, и мифология, и иногда искусство, которые весьма далеки от объективности. Поэтому, когда говорится просто о «создании единой картины мира», мы не можем определённо ответить, идёт ли речь о философии, или о религии, или о мифологии. Но когда говорится о «создании объективной картины мира», то уже ясно, что речь идёт именно о науке, в данном случае о научной философии.

Этот важный момент Труфанов как раз и упускает, рассуждая о цели философии. Он скорее «угадывает» цель философии, чем логически определяет её. Отсюда и появляется такая серьёзная ошибка, как сравнение философии с религией и искусством. Это повлекло за собой и дальнейшие ошибки в его статье.

Понимая, что указанная им «картина мира» имеет неоднозначный характер, Труфанов пытается определить разницу между философией, религией и искусством через интеллект, и уходит от истины ещё дальше, чем был до этого:

«Различие данных форм отражения единства мира – искусства, религии и философии – обусловлено тремя последовательными ступенями деятельности интеллекта человека: первая ступень – созерцание, вторая – представление, третья – мышление».

Как видим, Труфанов тут говорит о довольно странных «трех последовательных ступенях деятельности интеллекта человека», навеянных ему гегелевской философией: созерцание,

представление и мышление. Здесь вызывает вопросы почти каждое слово. Во-первых, почему именно три? А куда делись, например, чувства? Во-вторых, в чём их последовательность? Где доказательство того, что созерцание следует раньше представления или мышления? Кто доказал, что представление следует до акта мышления?

В-третьих, почему это именно ступени? Разве созерцание, а тем более представление исключает мышление? Попробуйте что-нибудь представить, не мысля, отключив мышление. И разве само мышление исключает созерцание и представление? Разве философия исключает созерцание или представление? Разве искусство не доросло до представления и мышления? Разве религия исключает созерцание и мышление?

Конечно, Труфанов делает оговорку, поясняя, что эти «ступени» могут перемешиваться, но проблема в том, что, говоря о разнице между философией, религией и искусством, акцент нужно делать совсем не на «ступенях деятельности интеллекта». К тому же, сегодня написаны десятки хороших научных трудов об интеллекте и его развитии, можно ознакомиться хотя бы с трудами Ж. Резниковой, А. Маркова, Б. Сергеева, прочих учёных, прежде, чем говорить о «трех последовательных ступенях деятельности интеллекта человека», когда-то «открытых» Гегелем.

Далее С. Труфанов пишет:

«На первой ступени мы только непосредственно созерцаем окружающие нас предметы: видим их, слышим, осязаем, обоняем, пробуем на вкус».

Неизвестно, что именно Труфанов понимает под созерцанием, но, когда мы «слышим», «осязаем», «обоняем» и «пробуем на вкус», – это созерцанием назвать никак нельзя. Разве что в иносказательном смысле. У созерцания есть своё определение и подменять его не следует. Иногда созерцание отождествляют с интуицией, что тоже не верно. Потом С. Труфанов заявляет:

«Из воспринятых ощущений в нашем внутреннем представлении формируются образы предметов. Далее мы обозначаем данные образы словами. Слово, закреплённое за образом предмета, становится его именем».

То есть, говоря сначала о созерцании, Труфанов вдруг начинает говорить об ощущениях. Но ощущения – это производное не от созерцания, а от чувств. То есть, речь тут нужно вести о чувствах, что было бы вернее.

Рассмотрим фразу: «в нашем внутреннем представлении формируются образы предметов». Во-первых, слово «внутреннем» тут лишнее, так как нет внешних представлений. Во-вторых, что такое здесь «представление» и «образ»? Если под представлением здесь понимать существительное (а это так и есть), то это по сути синонимы. Представление – это и есть образ, который мы представляем, только в более широком смысле, так как в представлении может быть несколько образов. Тем не менее сам внутренний образ предмета не что иное как представление его? Это не разные смысловые явления, а разные названия одного смыслового явления. Нельзя иметь образ не представляя его, и нельзя иметь представление, не имея образа того, что представляешь.

Если же понимать «представление» как действие, процесс, а не как образ, то без мышления этот процесс невозможен, так как здесь представление и есть акт мышления. То есть, слова «образ» и «представление» тогда будут обозначением существующего предмета и действия по отношению к этому предмету. Проще и вернее здесь было бы сказать: в уме «формируются образы предметов», но Труфанову нужно было использовать слово «представление», и он его употребил. Далее он пишет:

«С помощью слов-имён наш интеллект восходит на третью ступень своей деятельности – мышления. Мышление осуществляется посредством слов».

Как мы уже поняли, мышление участвовало и до того, как возникли образы и слова. Они просто не могли бы возникнуть без мышления. К тому же «мышление осуществляется» не «посредством слов», а как раз посредством образов и чувств, впечатлений.

Далее идут утверждения Труфанова в том же духе:

«Связывая слова между собой, мы создаём мысли. Слова составляют ткань мысли, а человеческий язык в целом является телом мышления. Только на ступени мышления мы постигаем понятия предметов».

Тут автор хотел сказать, что, связывая слова, мы стараемся выразить мысль, отобразить её, а не создаём её, как он выразился. Потому что если бы изначально не было мысли, то мы бы не знали, какие слова «связывать между собой». Точно так же не «слова составляют ткань мысли», а наоборот: мысль составляет ткань слов. Часто бывает, что мы знаем, что хотим сказать, знаем свою мысль, а вот слов подобрать не можем, или забыли слово; наша мысль ясна, но выразить её мы не можем. Но никогда не бывает такого, чтобы слов было полно, и мы из них старались «составить» ещё не существующую мысль. Так что нельзя сказать, что слова «создают» мысль, всё как раз наоборот.

Возможно, здесь автор хотел перефразировать известное выражение: «мысль облекается в слова», но это выражение имеет совсем иное понятие, в нём первопричиной является мысль, а не слова, хотя слова тоже как бы выступают «тканью» для мысли. Автор хотел выразиться красиво, изящно, но всё перевернул с ног на голову. Труфанов идеализирует Гегеля и повторяет за ним как верные мысли, так и ошибочные.

В целом у автора получилось следующее. «На первой ступени мы только созерцаем предметы», допустим, мы видим что-то с четырьмя ножками и спинкой. На второй ступени «в нашем представлении формируются образы предметов». То есть, мы ушли домой и представили образ предмета с четырьмя ножками и спинкой. «Далее мы обозначаем данные образы словами. Слово, закреплённое за образом предмета, становится его именем». То есть, мы дали предмету название, обозначили его словом-именем «стул». И только на «третьей ступени мышления» «с помощью слов-имён» «мы постигаем понятия предметов». То есть только потом, как назвали, до нас допёрло: ба, да это же стул! На нём сидеть можно!

Понятно, что такой подход ложен сам по себе. Но на основе такого «перевернутого» представления об интеллекте Труфанов строит и дальнейшие свои рассуждения:

«В соответствии с тремя названными ступенями деятельности интеллекта происходит обобщение знаний о мире. На первой ступени этим занимается искусство. (...)

На второй ступени обобщением знаний о мире занимается религия. Она выстраивает все находящиеся в нашем представлении образы предметов в единую картину мироздания. (...)

На третьей ступени обобщением накопленных знаний занимается философия. Она работает напрямую с понятиями предметов, из которых посредством мышления выстраивает единую научную картину мира».

Весь этот надуманный огород городился только для того, чтобы объяснить в общем-то довольно простую и доступную для понимания цель философии: создание объективной картины мира. Если бы Труфанов сразу понял и заявил о том, что цель философии – создание «научной картины мира», именно научной, а, следовательно, объективной, то ему не нужно

было бы городить весь этот огород с «тремя ступенями интеллекта». Понятно, что ни искусство, ни религия не могут претендовать на научность в познании мира. Это, во-первых.

А во-вторых, надо понимать, что ни для искусства, ни для религии «построение целостной картины мира» вообще не является основной целью, в отличие от философии. Для них это цель второстепенная! Или даже третьестепенная! Искусству вполне достаточно взаимоотношений человека с человеком или с окружающим миром. Искусству совершенно не важно, солнце ли вращается вокруг земли, или земля вокруг солнца. Цель искусства не в создании целостной картины мира. Цель искусства – влиять на чувства людей. Искусство, конечно, может (но не обязано) строить целостную картину мира. Например, какой вид искусства имел ввиду Труфанов, заявляя, что его цель – создание целостной картины мира? Музыка? Она этим не занимается. Хореография? Тоже нет. Может быть, цирковое искусство? Это шутка, но тоже нет. Изобразительное искусство? Хотя и может, но это не его основная цель. Литература? Разве что научная или фантастическая, но это опять-таки не является её основной целью.

Что касается религии, то, к удивлению Труфанова, и прочих философов, согласных с ним, скажем, что религия также, как и искусство, никогда не имело основной своей целью создание целостной картины мира, а тем более – научной. Религии тоже нет никакого дела, солнце ли вращается вокруг земли, или земля вокруг солнца. Основная цель религии схожа не с философией, а с идеологией, и заключается она не в построении картины мира, а во влиянии на умы людей ради власти над ними. Поэтому религия любую картину мира подстраивает под своего бога. Она не изучает объективный мир, да ей это и не нужно, ей достаточно даже самой примитивной картины мира, лишь бы над ней стоял бог. Для объяснения любой картины мира ей вполне достаточно бога. А всё то, что потом открывает наука, религия просто «притягивает за уши» к богу, всё объясняя волей божией. Поэтому религиозная картина мира неизменна тысячелетиями, в отличие от научной картины мира. Поэтому же религия всегда идёт вслед за наукой, чтобы подстроиться под неё, подтянуть научные факты к богу и к своей догматичной неизменной картине мира.

Что же касается философии, то она, в отличие же от искусства и религии, обязана создавать именно объективную, научную картину мира. Это её основная цель! И в этом их принципиальное различие! Философия не стремится ни к власти над людьми, как религия, ни к влиянию на чувства людей, как искусство. Она стремится только к познанию мира, к истине. Так что само утверждение о том, что философия занимается построением целостной картины мира так же, как религия и искусство – это ложное утверждение!

Здесь отметим, что, справедливо поднимая вопрос о необходимости нового учебного пособия по философии, Труфанов сбивчиво и путанно раскрывает в своей статье пока только один из четырёх основных определяющих вопросов научной философии: её цель. Осталось раскрыть, или хотя бы обозначить ещё три: её задача, её смысл, а главное – её суть. Забегая вперёд, то есть почти в конец статьи, отметим, что вопрос о задаче философии Труфанов всё-таки поднимает:

«Задача философии, или что она должна делать, чтобы достичь своей цели.

На основе вышеизложенного мы имеем следующие исходные данные для определения задач философии:

- цель философии – показывать мир как целое,
- достигать этой цели она должна, находясь на ступени мышления и посредством деятельности мышления,
- материалом для этого являются все те разрозненные понятия и определения, которые уже выработаны человечеством и эксплуатируются им.

Соответственно, задача философской мысли заключается в том, чтобы выстроить из этого разрозненного материала (понятий и определений) единую научную картину мира, пока-

зывающую его как целое. Ключевым при её решении является вопрос: как? Как произвести всеобъемлющую систематизацию понятий, с тем чтобы в итоге из них сложилась единая научная картина мира?»

Что же мы тут видим? А видим мы, как говорится, картину маслом. Что называется, почувствуйте разницу. «Цель философии – показывать мир как целое», а «задача философской мысли – выстроить научную картину мира, показывающую его как целое». То есть, задача – выстроить, а цель – показать! Это притом, что ранее Труфанов называл целью «создание единой картины мира», то есть – выстраивание. В результате мы получаем, что и цель, и задача философии – одно и то же. Интересно, сам Труфанов понимает разницу между понятиями «задача» и «цель»?

Становится ясен посыл автора: «ключевым при её решении является вопрос: как?». Очень хороший вопрос. Как добиться решения задачи, если все понятия смешались в кучу, и философ не в состоянии даже определить эту задачу? И уж совсем кажется смешным на этом фоне следующий вопрос: «как произвести всеобъемлющую систематизацию понятий?». Милые философы, вы хоть с элементарными понятиями разберитесь и не путайте одно с другим, а уж потом думайте о «всеобъемлющей систематизации понятий».

Далее в статье Труфанов садится на своего любимого конька: гегелевскую философию. Этот факт вполне объясним, так как С. Труфанов является специалистом по гегелевской философии. Однако и все проблемы современной философии он также рассматривает через призму гегелевской философии:

«Кризис современной философии, включая её вузовский формат, имеет под собой одну единственную причину – её закостенелую приверженность давно пережившим своё время вольфовским принципам. Соответственно, и выход из кризиса существует один: надо распрощаться с вольфовской системой и перейти к гегелевской».

Вот так всё просто! Делов-то, – начать и кончить! Перейти на гегелевскую систему, и русская философия будет спасена. Но почему автор решил, что именно Гегель спасёт русскую философию? Откуда у него появилась такая идея? Оказывается, тут тоже всё просто, и это объясняет даже смысл появления самой статьи Труфанова. И не только этой его статьи. Вот он признаётся:

«Осенью 2003 года была опубликована вторая моя монография – "Грамматика разума", в которой в доступной форме излагается содержание всех трёх томов "Энциклопедии философских наук" Гегеля».

И эта «Грамматика разума», по мнению Труфанова, способна:

«...служить основой для создания современного учебного курса гегелевской систематической философии. Только переход к этому курсу позволит переломить существующую сегодня драматичную ситуацию в преподавании философии, когда студенты не могут понять ни смысла философского знания, ни целей его изучения».

Вот так. Без «Грамматики разума» Труфанова студенты, оказывается, «не могут понять ни смысла философского знания, ни целей его изучения»! Это притом, что «гегелевские знания» не помогли самому Труфанову правильно определить ни цели философии, ни её задачи, а об её смысле и сути он вообще умолчал в своей статье. Знает ли он о них? На основании этой его статьи сказать невозможно. Но ни в данной статье, ни в других его работах (некоторые из

которых повторяют данную статью почти дословно), я об этом не прочитал. Возникает естественный вопрос: чему же он хочет учить студентов, если не в состоянии объяснить ни сути, ни смысла, ни цели, ни задачи философии?

Я, конечно, согласен с Труфановым в самом главном: необходимы новые учебные пособия по философии. Вот только для этого учёные философы должны сначала определиться хотя бы с тем, какой философии они собираются учить студентов. Или хотя бы определиться с тем, является ли философия наукой, или это... даже не знаю, как и назвать, если это не наука.

Я здесь не говорю об истории философии, с этим у нас всё не так уж плохо. А вот с пониманием самой философии, – что она такое есть? – тут у нас полный швах, как справедливо замечают очень многие учёные философы, в том числе и сам Труфанов. Но как же он смотрит на вопрос о том, является философия наукой, или нет? Вот что он пишет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.